
СОЦИАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО ДЕТСТВА: ПРИНЦИПЫ МАРКИРОВАНИЯ ТЕРРИТОРИЙ

А. Г. Филипова

В статье представлен анализ социального пространства детства провинциального города. В работе концептуализируются понятия частного и публичного пространства детства, «функционального и смыслового мест» детства. Целью исследования является маркирование городского пространства по критериям его безопасности, комфортности и стимулирования развития детей. Методами сбора данных являются глубинное интервью (информанты – родители, N = 25), наблюдение, анализ данных осуществлялся на основе осевого кодирования. Исследование показало, что безопасность территории определяется информантами по критериям наличия ответственных и заботливых взрослых, закрытости территории и ограниченности входа на нее, защищенностью перемещений ребенка; комфортность – развитием детской индустрии, доступностью и качеством товаров для детей, приспособленностью городского пространства для передвижений взрослых с ребенком, наличием жилья у семьи, его размерами; возможность развития – наличием учреждений дополнительного образования, детских площадок, созданием зон отдыха для семей с детьми.

Ключевые слова: детство, частное пространство, публичное пространство, место, территория, безопасность, комфортность, развитие

Обращение к проблеме организации пространства детства связано с изучением детской повседневности, взаимодействия взрослого и детского миров, а также практик защиты детей. Городская социальная среда дает ресурсы для развития, поддерживает и охраняет детство, но также создает риски для физического и психического здоровья, жизни детей. Город становится, по определению Р. Парка, социальной лабораторией, генератором социальных проблем и социальных изменений [Парк, 2002. С. 3]. Новый ракурс рассмотрения детства в городском пространстве задает международная организация – детский фонд ООН (ЮНИСЕФ), которая

вводит в публичный дискурс понятие «города, доброжелательные к детям» как локации, учитывающие нужды и приоритеты детей [См.: Города...]. Изучение пространства детства связано с его сегментированием, в частности, делением на публичные и частные территории. В интерпретации повседневности как театральной сцены, по И. Гофману, публичное представлено как передний план исполнения, частное – как скрытое от зрителя закулиссе. Проигрывание индивидом ролей в зоне переднего плана можно рассматривать как усилие по созданию впечатления того, что его деятельность воплощает и поддерживает определенные социальные нормы и стандарты [Гофман, 2000. С. 122]. Публичное пространство – это пространство воспроизводства дискурса заботы о детстве.

Публичные и частные пространства задают статусные позиции субъектов, их направленность и дистанцию. С. Лаймен и М. Скотт дифференцируют территории по критериям: регламентированность – свобода, замкнутость – открытость, контролируемость – неконтролируемость, что, по сути, является отражением правил, прав и возможностей доступа в территории [См.: Филиппов, 2008. С. 213]. П. Бурдьё определяет физическое пространство как «социальную конструкцию» [Бурдьё, 2007. С. 50]. Физическое пространство неотделимо от социального, так как первое появляется в качестве продукта социальных отношений, взаимодействий, социальных институтов. Существует также обратная связь – физическое пространство структурирует социальное.

В качестве «неразложимой единицы территории» А. Ф. Филиппов определяет место, являющееся носителем всех типических свойств территории. Место является «узлом социальных отношений», «оно именно является, делает видимыми социальные отношения – сами по себе с социологической точки зрения незримые» [Филиппов, 2008. С. 232]. Поэтому пространство детства мы будем рассматривать как единство территорий, распадающихся на места. Понятия «функциональные и смысловые единства», введенные А. Ф. Филипповым, помогают деконструировать связь физической и надфизической частей территорий. Физическая часть – это расположение мест и территорий, их протяженность, обособление границами, а надфизическая – это восприятие этих мест и территорий – комфортность, безопасность, «атмосфера», присущие им социальные взаимодействия. Удовлетворение физиологических потребностей детства мы связываем с «функциональными местами», а социальных (потребности в общении, признании, развитии) – со «смысловыми местами». В первом случае дети часто выступают в качестве объектов воздействия, проявления заботы со стороны взрослых. Возможность занятия активных позиций появляется в «смысловых местах», то есть «функциональные места» связаны с жизнеобеспечением детства, «смысловые – с его развитием и социализацией.

Передний план социального пространства детства по критерию регламентированности социальных взаимодействий распадается на институци-

альные и внеинституциональные территории. Физическая часть первых совпадает с расположением учреждений социальной инфраструктуры детства: детскими садами и школами, медицинскими, культурно-досуговыми и другими институциями. Институциональные территории характеризуются упорядоченностью социальных отношений, контролем над детьми со стороны взрослых, закрытостью, рутинизацией взаимодействия. Внеинституциональные территории рассматриваются, соответственно, как то, что находится за пределами институций – это двор, спортивные площадки, детские площадки. Они становятся зонами детского творчества и детской активности вследствие их свободы, открытости, отсутствию контроля, «сбоя повседневности». Домашнее пространство интерпретируется как «кулисы», так как там осуществляется репетиция социальных действий, первичное освоение ролей и социальных норм, это закрытая территория, доступ в которую ограничен.

С целью деконструирования территории детства и ее маркировки по критериям безопасности и комфортности для семей с детьми, направленности на развитие детей мы обращаемся к пространству провинциального города. Статья написана на материале первичных данных, собранных методами глубинного интервью и наблюдения. В качестве вторичных данных используются материалы отечественных и зарубежных исследований детской повседневности, материалы двух городских Интернет-форумов города (для матерей и для родителей). В нашей выборке – 22 женщины-матери с высшим образованием, из них 19 – состоят в браке, и трое отцов. Все информанты являются жителями крупнейшего промышленного центра российского Дальнего Востока. Город является носителем типичных российских демографических проблем – сокращения рождаемости, роста смертности, усиления миграционного оттока населения. На 1 января 2011 года численность населения города составила 267,7 тыс. человек.

Маркеры безопасности территории

Безопасность определяется как состояние защищенности детей от разного рода рисков, производимых институциональными и внеинституциональными территориями.

Наличие мамы, бабушки, другого «значимого» взрослого

Присутствие рядом с ребенком социально ответственного взрослого переводит место (территорию) в категорию безопасного или относительно безопасного:

Мы с бабушкой соседки по площадке, то есть я могу оставить... вот, я в субботу ухожу на работу... а мама говорит: он часа два-три там один дома находится... Ну, я могу оставить с хорошими знакомыми... К кому

он хорошо относится – я могу с этими людьми оставить, но мне спокойнее, когда он со мной, ну или... или дома... (Ульяна, 33 г.)

Отец не всегда рассматривается как социально ответственный взрослый, в силу того, что он проводит меньше времени с ребенком, а в семьях четырех информантов не проживает совместно с ребенком, значит, меньше знает о его привычках, особенностях поведения. Один из информантов переводит физическую дистанцию, возникшую вследствие развода, в дистанцию смысловую, физическое пространство структурирует социальное:

Ну, я говорю, что я не очень близко с ними, вот... связан и поэтому, ну, в общем, для меня это не очень актуально... мне кажется, что это вот ответственность тех, с кем они находятся вот постоянно... Я не живу с ними, и для меня вот это все как-то просто вне пределов моей сферы жизни... это вот жизнь других людей... (Илья, 39 л.)

Институциональное пространство предполагает осуществление социального контроля, поэтому в нем есть взрослые, регламентирующие социальные взаимодействия – воспитатели, учителя, нянечки, охранники, медсестры. Однако места «детский сад», «школа» не всегда оцениваются однозначно как безопасные потому, что в них действуют другие механизмы организации пространства. Во-первых, это большее количество детей, нежели в семье, вследствие чего внимание взрослого рассеивается:

...их 25 детей под присмотром одного воспитателя, то есть, естественно, она отвернулась, что там творится у нее за спиной, она уже не видит (Елена, 30 л.).

Во-вторых, как фактор риска безопасности рассматриваются другие дети:

Ну, в какой-то мере я воспринимаю в качестве такого [безопасного] пространства школу, хотя здесь тоже могут быть какие-то нюансы... Ну, э, видя, как ведут себя... одноклассники Славика, то есть здесь может быть всё, что угодно, факты травмирования и так далее... (Яна, 35 л.).

Особенно это касается детей из семей, находящихся в социально опасном положении, детских домов:

Вот 6-я школа, я знаю, что туда детдом весь ходит... однозначно – в шестую школу мы не пойдём... (Елена, 30 л.)

В-третьих, это мера социальной ответственности взрослых, их подготовленности и их ориентированности на осуществление заботы о чужом ребенке. Нередко возникает конфликт между фоновыми ожидания-

ми родителей и исполнением институциональных ролей воспитателями и учителями, которые для себя разграничивают зоны ответственности. Родители ожидают реализации социального потенциала институции, гуманизации детско-взрослых отношений, «пористости» границ между институцией и семьей. Например, нет продленки – учитель позвонит родителю и предупредит его об этом; на переменах учитель реагирует и, если надо, корректирует социальные взаимодействия учеников, воспитатель в детском саду оденет ребенка потеплее, если в группе холодно и так далее. Иными словами, важное значение в институциональном пространстве придается качеству исполнения социальных ролей взрослым, от него требуются не только профессиональные навыки, но и проявления участия, доброты, чуткости, заботливости.

Закрытость территории, ограниченность входа на нее

Домашнее пространство в оценках респондентов воспринимается как безопасное именно с этих позиций – «мой дом – моя крепость». Одна из причин подобного стремления обезопасить приватное пространство – общая криминогенная обстановка общества. Люди стремятся «укрепить границы» железными дверьми, засовами, домофонами, заборами вокруг собственных коттеджей – кто как может, в зависимости от достатка. В школах с этой целью появились охранники, камеры наблюдения.

В основе стремления к замкнутости территории лежит страх за свою «онтогенетическую безопасность» [Гидденс, 2005]. Потребность в безопасности, по определению У. Бека [Бек, 2000], является ведущей потребностью современного общества. Закрытость пространства дает мнимое ощущение безопасности, поскольку много факторов риска воспроизводится внутри территории, а доступ на территорию хотя и ограничен, но возможен:

Да как бы сейчас такая обстановка, что, честно говоря, за ребенка всегда переживаешь, то есть дома что-то, как говорится, конечно, спокойствие наступает после того, как говорится, дверь закрыл, но такой гарантии, что завтра ты знаешь, что с ребенком будет, такого нету. (Андрей, 38 л.)

Сами информанты говорят о видимости контроля, например, в школе: *«собирают плату за охрану, но не понятно, что и от кого охраняют...»* (Наталья, 30 л.). Безопасность домашнего пространства подкрепляется также семейными ресурсами извне – «бабушка живет с нами на одной площадке», «бабушка живет в этом же районе». Либо иногда это ресурс соседства:

Ну, вот, допустим, вечером мы с папой хотим куда-нибудь сходить... хочется нам там... [соседка по лестничной клетке] может просто

присмотреть... Она помогает, если вдруг что-нибудь там... не может открыть... (Наталья, 30 л.).

Однако автономность и закрытость домашней среды часто становятся факторами поздней диагностики насилия в отношении ребенка. Э. Гидденс характеризует дом как «самое опасное место в современном обществе», так как здесь человек любого возраста и пола гораздо чаще подвергается физическому насилию, чем на улице [Гидденс, 2005. С. 172].

Самой проговариваемой темой различных «мест» детства в репликах респондентов оказалась тема двора. Двор маркируется двумя выявленными нами факторами небезопасности среды – отсутствием социально ответственных взрослых и отсутствием границ. Двор – это противоречивое пространство, мнимо защищенное, с одной стороны, это близость к дому, детское творчество, воспитание самостоятельности, но с другой – открытость, физическая и психоэмоциональная опасности для детей. Как риски информанты определяют перемещения машин, прогулки собак без хозяев, наличие детей, находящихся в социально опасном положении, а также асоциальных взрослых:

У нас двухподъездный дом... тут вот, крайний... в нашем подъезде ровесников его нет вообще. Один мальчик, он уехал в Москву, остальные все старше... а в соседнем тоже там... там, на первом этаже неблагоприятная семья... там их целая куча, я даже со счета сбилась, зачем... тоже такие лет по 13, ну, там оторви и выбрось... (Ася, 33 г.)

Возникает необходимость установления границ – как реальных, так и виртуальных. Для того чтобы машины не ездили, устанавливаются заграждения, бордюры. Дом обносится забором, но это скорее характерно для индивидуальных домов коттеджного типа. Либо создаются виртуальные защитные границы среды в лице мамочек с колясками, прогуливающих по двору, общественных активистов, благоустраивающих двор, мам, наблюдающих за перемещениями детей во дворе из окон квартир.

Криминальная обстановка в городе (как и в стране в целом), распространение наркомании и алкоголизма, увеличение количества лиц, страдающих психическими заболеваниями и находящихся на амбулаторном лечении, – все это вытесняет детство из дворов в квартиры, группы продленного дня, кружки и секции. Возникает ситуация, которую Й. Квортруп называет институционализацией детства. Область детства сужается до размеров защищенных комнат дома или в школе, детском саду, жизненный мир детства скрывается от естественного мира, детство «устраняется с арены действий других возрастных групп» [Qvortrup, 2005. P. 115–116].

«Островками» детства остаются школьные коридоры во время перемен, после занятий, а также продленка с не очень строгим учителем –

те места, где дети могут оставаться детьми, радоваться, «беситься», не опасаясь нарушить какую-нибудь норму:

[речь идет о музыкальной школе] Вот, там такой длинный-длинный коридор такой с загибами. Вот, они из одного конца все до другого носятся. Идут там уроки: кто-то пикирует на скрипке там, на фортепиано кто-то, у кого-то хор, а они носятся туда-сюда... (Яна, 35 л.).

Безопасность «маршрутов» детства

Типичные детские маршруты можно разделить на короткие и длинные. К коротким дистанциям относятся «дом – институция (детский сад или школа)», «дом – двор». Эти маршруты ребенок младшего школьного (иногда старшего дошкольного) возраста, как правило, преодолевает сам, без сопровождения взрослых. Переход из дошкольного детства в школьное связан с расширением социального пространства, которое ребенок осваивает с помощью взрослого, постепенно привыкая к самостоятельности:

...в садик у меня начал сначала ходить... летом, вот, перед школой, мм, в садик, то есть я его вывожу просто из подъезда, там мимо этой двери, где эта собака живет, а дальше он сам идет... Ну, понятно, что он пошел сам, а я следом так, ээ, огородами (Яна, 35 л.).

Самостоятельные перемещения ребенка родители связывают с двумя факторами риска: дороги – транспорт, асоциальные взрослые – «неблагополучные» сверстники.

Длинные маршруты применяются не каждый день, чаще на выходных, они связаны с организацией свободного времени ребенка: «дом – секция, культурно-досуговое учреждение», «школа – секция, культурно-досуговое учреждение». Иногда время ребенка так насыщено, один вид активности сменяет другой, что перемещение может осуществляться только с использованием транспортного средства – машины, городского транспорта. Перемещение на значительные расстояния осуществляется в сопровождении взрослого – чаще родителя, бабушки-дедушки, иногда другого взрослого: учителя, воспитателя и др.

Маркеры комфортности пространства для семей с детьми

Если критерий безопасности территории связан с изучением влияния среды на детский мир, то «комфортность» оценивается с позиции приспособленности городского пространства для взрослых, имеющих детей. Один информант называет ее «взрослым вопросом».

Мобильность в городской среде

Судя по репликам респондентов, мобильность связана с перемещением ребенка в коляске, которое затрудняется не приспособленными под коляски лифтами или отсутствием таковых, отсутствием пандусов на подступах к магазинам, поликлиникам, невозможностью оставить коляску у входа в учреждение из-за отсутствия мест «парковки» колясок.

На форуме мам по этому поводу была инициирована тема «Магазины, в которые можно въехать с коляской, и спокойно совершить покупки, не упуская ее (коляску с ребенком) из вида». Жительницы города N перечисляют магазины, которые не приспособлены для маломобильных групп населения, но в которые при желании можно втащить коляску или ее можно оставить под присмотром охранников. Интересно, что не создают комфортные условия для родителей с маленькими детьми и магазины, реализующие детскую продукцию. Среди высказываний участниц форума для мам:

Надеюсь, администрации супермаркета детских товаров хватит смекалки сделать крыльцо с въездом для колясок...:-\

В аптеке на А. висит объявление «С мороженым, собаками и колясками вход запрещен».

В 2008 году Россия подписала Конвенцию ООН «О правах инвалидов» и приступила к реализации международных стандартов экономических, социальных, юридических и других прав инвалидов. Постановлением Правительства РФ от 17 марта 2011 г. № 175 утверждена государственная программа «Доступная среда» на 2011–2015 годы, в которой речь идет о создании доступной среды для маломобильных групп населения: инвалидов, беременных, лиц с детскими колясками, детей дошкольного возраста. Однако в исследуемом регионе создание доступной среды предусмотрено только при строительстве и вводе в эксплуатацию новых объектов, а также при реконструкции действующих сооружений. Поскольку темпы строительства в регионе крайне низкие, за исключением самого регионального центра, то проблема создания безбарьерной среды не решится, по меньшей мере, в ближайшее десятилетие.

Наличие функциональных мест

«Функциональные места» в определениях информантов – это не просто разбросанные по городу детские магазинчики, это сосредоточение продукции для детей в одном «месте». Таким местом стал недавно открывшийся в городе первый детский торговый центр. Высказывания респондентов и собственное наблюдение показывают его непригодность для родителей, перемещающихся как с детьми, так и без детей. Во-первых, обращает на себя внимание расположение

этого торгового центра – на периферии в условиях минимальной транспортной доступности.

Торговый центр находится в отдельном двухэтажном здании, где не созданы минимальные бытовые удобства для посетителей – нет туалета, отсутствуют кондиционеры, несмотря на летнюю жару и духоту. Он оформлен как пространство для взрослых в стиле минимализма, и по внутреннему дизайну он больше напоминает оптовую базу, продавцы ходят в фирменных футболках с названием магазина, как на строительных базах, отсутствует дизайн, соответствующий специализации магазина: воздушные шары, иллюстрации, соответствующее оформление, нет детских зон отдыха или детских кафе.

Обращает на себя внимание преобладание товаров китайского производства, составляющих 90–95 % от всей продукции магазина. Остальные производители представлены примерно в равной степени, нельзя сказать, что среди них выделяется Россия, – это Польша, Швейцария, Германия. При этом разница в стоимости товара китайского производства и любого другого исчисляется в разы¹.

Состояние «детской» индустрии

«Детская» индустрия в городе развита недостаточно. В кризисные 1990-е гг. было свернуто отечественное производство детской одежды, обуви, продуктов питания, как в регионе, так и в ДФО. Везти из европейской части России все это накладно, поэтому в продажу поступают дешевые и некачественные (а нередко даже опасные) товары из соседнего Китая.

Сфера производства отечественных товаров для детей в городе представлена только молочной продукцией – результат работы городского молокозавода и детской одеждой – производится на городской швейной фабрике либо, что значительно чаще, поставляется из других регионов России:

...мы как-то обходились тем, что в молочных киосках... молочная фабрика, она выпускала специальный детский творожок – это специальное детское питание, которое можно, допустим, с 4–5 месяцев давать... (Оксана, 24 г.)

На форуме мам города N часто обсуждаются вопросы приобретения детских товаров нового поколения. Мамы делятся опытом приобретения слингов, детских автокресел. Эта продукция мало представлена на городском рынке и, как правило, заказывается через российские Интернет-магазины.

¹ Для сравнения китайская детская коляска стоит около 13 тыс., а швейцарская – 40 тыс. рублей.

Стабильность дома

Стабильность пространства дома дает ребенку чувство защищенности, надежности, поэтому ситуации, когда семья не имеет своего стабильного дома, проживает в съемной квартире или у родителей, негативно влияют на формирование чувства дома:

Мама с мужем со своим живет, она замуж вышла... сейчас, получается, у нас жилья нету собственного... живем в квартире мамы... если вот что-то случится с ее мужем... он квартиру детям отдаст... мама к нам, получается, придет (Мария, 27 л.)

Проблемами домашнего пространства могут быть скученность. В случае с Оксаной – в двухкомнатной квартире проживают две семьи, в общей сложности пять человек, либо переезд с одной квартиры на другую при аренде жилья (ситуация Анастасии).

Комфортность детских институций (детский сад, школа)

Комфортность институций родители первоначально оценивают через близость к дому либо месту работы родителя, через наличие элементарных бытовых условий, внутренний уют помещений и уже потом говорят об оснащенности, условиях для развития ребенка:

[про детский сад] нет, в принципе, нормально... с потолка не сыпется, полы с подогревом... очень-то даже не плохо, уютненько (Анастасия, 29 л.)

мы сначала его отвели в садик... на конец отопительного сезона... отдали, чё-то никто не подсказал... а садик еще, по-моему, группа была на первом этаже... внизу подвал, полы ледяные... (Ася, 33 г.)

Детские зоны

Комфортность пространства для детей родителями определяется также через наличие «мест для детей», «смысловых мест» – оборудованных во дворе детских площадок, парков отдыха, аттракционов, летних оздоровительных лагерей:

Ну, заходишь в парк, там есть площадка с аттракционами, 50 рублей за одного ребенка, заходишь, катаешься там, делаешь, чё хочешь... Там, в принципе, примитивное всё, в других городах то, что там, есть в каждом дворе (Мария, 27 л.)

Куда мы можем пойти? ...Ну, вот сейчас, летом батуты надуты по городу... «Л. [развлекательный центр для детей]» – ну, я туда ни разу его не водила, потому что, по разговорам... ну, ничё хорошего (Ульяна, 34 г.).

Неразвитость парковой зоны, ее неприспособленность для детей связана с непродолжительностью паркового сезона, соответственно, нерентабельностью деятельности предприятий, имеющих торговые точки, кафе, детские аттракционы на территории парка.

Родителей детей школьного возраста также волнует вопрос организации летнего отдыха. Город имеет три детских загородных лагеря, в том числе 2 муниципальных, что позволяет охватить всеми формами летнего отдыха до 98 процентов от общего количества школьников. Однако эта форма устройства детей на летний период воспринимаются родителями как небезопасная, связанная с совместным пребыванием с детьми из семей, находящихся в социально неблагополучной ситуации, воспитанниками детских домов.

Развлекательных центров для детей в городе практически нет, информанты назвали только один, сопроводив его оценку критическими комментариями:

Говорят, тесное помещение... дети один на одном... вот так вот (Ульяна, 34 г.).

Но мне не нравится там, закрытое помещение, душно... ну, там горки, прыгалки. Ну, мне не нравится, что там не видно ребенка (Наталья, 34 г.).

На форумах мам и родителей города N содержится информация еще о трех развлекательных центрах для детей, однако обращается внимание на их ориентированность на детей дошкольного возраста.

Начиная с 2008 года администрация города занялась благоустройством дворов: устанавливаются горки, качели, перекладины, «лабиринты», песочницы. На изменения придворовых территорий обращают внимание информанты, хотя в их высказываниях много недоверия властям, неверие в возможность изменений к лучшему. В такой ситуации важен последующий переход властей от благоустройства городского пространства к политике развития городской среды.

Маркеры территории развития

Пространство детства необходимо оценивать не только по критериям безопасности и комфортности, которые удовлетворяют базовые потребности детства, но также важно стимулирование его развития. Обедненная, стерильная среда также вредна для ребенка, как и среда незащищенная. Поэтому если не принимать во внимание семью как ближайшее окружение ребенка, то стимулы для развития последнего должны поступать из институциональной среды (культурно-досуговые учреждения, учреждения дополнительного образования) и внеинституциональной среды (общий уровень культуры города, «атмосфера»).

Организация физического пространства (архитектура города) конституирует социокультурное пространство:

Архитектурный облик города, дома, интерьер жилища, школьное здание – социализированное пространство, строение которого, в принципе, моделирует социум с его иерархической структурой и дисциплиной управления... [Валицкая, Султанов, 2009. С. 36].

Учреждения культурно-досугового типа

Потенциал учреждений культуры города, как показывает исследование, практически не востребован. В городе действуют: городская библиотека с 16 филиалами (один недавно закрылся), детская музыкальная и художественная школы, музей изобразительных искусств и краеведческий музей, дом культуры, кинотеатр, драматический театр, театр юного зрителя, молодежный театр, зоологический центр. В интервью информанты ничего не говорят о посещении библиотек. Три ребенка ходят в музыкальную школу, но родители не видят перспектив дальнейшего развития в этом направлении – на Дальнем Востоке нет специализированных школ (училищ):

...серьезных каких-то, вот, эээ, учреждений дошкольного образования и творческого развития намного меньше, и... там работают не, эээ... высокого класса профессионалы [информант сравнивает ситуацию с Санкт-Петербургом], и поэтому я, конечно, прежде всего, боюсь, как бы он не вырос, эээ, не реализовав те как бы вещи, которые, вот, заложены в нем, вот этого я опасуюсь, прежде всего (Илья, 39 л.).

Театр юного зрителя ориентирован на самых юных и не удовлетворяет культурные запросы детей школьного возраста.

Как вариант досуговой деятельности остается посещение кинотеатра, но в отечественном прокате мало детско-юношеских фильмов, в основном это зарубежные или отечественные мультфильмы и зарубежные фильмы (например, нашумевший «Гарри Поттер»).

Физкультурно-оздоровительные и спортивные учреждения

Состояние спортивных учреждений города, в том числе турбаз, стадионов, секций, оценивается родителями как удовлетворительное. На территории города функционируют 384 спортивных сооружения: стадионы, спортивные площадки, футбольные поля, хоккейные коробки и прочие сооружения, которые одновременно могут принять более 10 тыс. человек. У обеспеченных информантов спросом пользуются коммерческие спортивно-развлекательные учреждения:

...на горных лыжах покататься можно, на каток сходить можно, ролл-дром... мне нравится... ну, там же дни рождения они отмечают ... сна-

чала возле барной стойки посидели там, чай-шоколад поели и пошли кататься, гм, а родители дальше сидят... (Ася, 33 г.)

У одной из информанток ребенок хочет ходить в бассейн, но возникает проблема удаленности «места» – в бассейн нужно ехать на трамвае, а затем переходить дорогу с четырехполосным движением.

Взгляд со стороны человека с опытом проживания в другом пространстве (в европейской части России) позволяет оценить провинциализм маленького города, а также увидеть перспективы его развития как территории для детей:

...некачественные услуги вот в этой сфере, вот это, эээ, в сфере и здравоохранения, и в сфере, вот, эээ, образования, и прежде всего, художественного развития ребенка... но это связано еще и с тем, что просто сама, ээ, история освоения этой территории, она незначительна, и нет как бы таких важных значимых культурных объектов, эээ, которые могли бы быть такой основой для формирования вкуса и мировоззрения ребенка... И в этой ситуации как-то все могло бы компенсироваться какой-то такой вот любовью к природе, которую могли бы развивать там всякие разные туристические, вот, клубы (Илья, 39 л.).

Действительно, природные условия располагают к занятиям туризмом, однако эта отрасль, особенно, конечно, детско-юношеский туризм, в городе практически не развита. Туристско-краеведческое направление присутствует в перечне направлений деятельности городских учреждений дополнительного образования, однако для его грамотной и безопасной организации нужны подготовленные специалисты. Единственная действующая в этой сфере организация – муниципальное образовательное учреждение дополнительного образования детей детско-юношеский туристический центр «Э» был закрыт.

«Хороший» – «плохой» локалы

Рассмотрение городского пространства с позиций его «безопасности», «комфортности», «направленности на развитие» выводит нас на семантическую оппозицию «хорошего» – «плохого» локалов как единства физической среды и ее смыслового наполнения. Это противопоставление основано на престижности «хорошего» локала, интегрирующего три вышеозначенные характеристики городской среды.

«Хороший локал» – это район, имеющий центральное расположение, в нем есть места для прогулок с детьми (парковые зоны, набережная реки), «функциональные места» детства (детские магазины, детские кухни, поликлиники), пересечение транспортных линий (автобусные и трамвайные маршруты), близость «смысловых мест» (детских центров, домов творчества, спортивных учреждений). Дворы благоустроены, оборудованы детскими площадками, огорожены бордюрами,

закрыты для перемещений машин, с собаками жители гуляют в специально отведенных местах. Экологически благоприятный район: нет вредных производств, много зеленых насаждений.

«Плохой локал»: концентрация малосемеек и общежитий, семей с детьми, находящихся в социально опасной ситуации, криминальных элементов, места «тусовок» сомнительных компаний, плохое транспортное сообщение, близость интернатных учреждений, удаленность от «функциональных и смысловых мест», плохое состояние самих домов: дома деревянные, без систем газоснабжения и канализации, придворовые территории неблагоустроены. Экологически неблагоприятная ситуация в таком локале связана с размещением заводов.

Борьба за «хорошие» локалы приводит к территориальной сегрегации – семьи, находящиеся в социально опасном положении, вытеснены на городские окраины, для них выделены специальные институции. Например, дети-воспитанники детских домов закреплены за определенными школами, определенными поликлиниками, для детей из малообеспеченных семей ограничен доступ в престижные образовательные учреждения, высокоотехнологичные медицинские службы.

Две информантки описывают ситуацию с разводом в семье как причину выпадения семьи из поля социального благополучия. В результате возникает институциональное давление в направлении вытеснения детей из престижного образовательного учреждения.

Социальная сегрегация, с одной стороны, способствует формированию безопасных территорий, а с другой, – исключает часть детей из комфортного институционального пространства, ориентированного на развитие. О.Е. Трущенко, исследуя символические ценности территорий, на примере г. Москвы показывает значение «престижного адреса» в создании «непреодолимой дистанции» между теми, кто им располагает, и остальными, лишенными его:

Высшую ценность приобретают те городские пространства, где происходит концентрация обладателей экономического, культурного и социального капиталов, лежащих в основе признанного превосходства [Трущенко, 1995. С. 12].

Необходимо, однако, заметить, что пространство небольшого провинциального города не отличается жесткой иерархизированностью по причинам отсутствия элитного жилья, малых объемов введения в эксплуатацию новых домов, в основном социального назначения, концентрации социальных проблем – высокий уровень преступности, алкоголизация населения. Можно говорить о делении городских районов на центральные и периферийные по вышеозначенным критериям комфортности, безопасности и направленности на развитие. Городские окраины – это районы традиционного скопле-

ния малосемеек, деревянных построек, а также районы размещения городских производств.

* * *

Пространство детства сегментировано на зоны – дом (смысловый центр), «смысловые места» (чаще это места развлечений и общения со сверстниками – двор, детская площадка, а также учреждения образования), «функциональные места» (учреждения социально-бытового назначения – магазины, детские кухни). Важным критерием выбора детского сада, школы выступает критерий близости к дому, поэтому возвращение школам, детским садам функции центра социальной и культурной жизни поможет организовать досуг детей и активизировать их развитие (физическое, морально-нравственное, художественное) – на это направлено создание кружков и секций, детских общественных организаций на базе школ. На основе критериев безопасности, комфортности и направленности на развитие по материалам интервью сконструированы два крайних типа пространств для детей – «хороший» и «плохой» локалы.

Желание городских властей «облагородить» передний план исполнения привело к благоустройству дворов, организации детских площадок. Сами родители демонстрируют социальную пассивность в отношении благоустройства и развития городских территорий, считая это исключительно предметом забот администрации города. Однако городскую среду нельзя назвать «дружественной к детям» по причинам социального исключения из нее детей из семей, находящихся в социально опасном положении, и недостаточного развития зон социальной активности детей.

Особенности организации городского физического и социального пространства задают векторы приложения институциональных усилий. Это, в первую очередь, относится к природным ресурсам региона, которые могут стимулировать развитие детско-юношеского туризма, спорта; климатическим особенностям – развитие зимних видов спорта (лыжи, хоккей, фигурное катание, сноубординг и другие); а экологические проблемы города задают еще одно направление детских инициатив – экологический туризм.

Список литературы

Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / пер. с нем. М.: Прогресс-традиция, 2000.

Бурдые П. Социология социального пространства / пер. с франц.; отв. ред. перевода Н. А. Шматко. М.: Институт эксперимента льной социологии; СПб.: Алетейя, 2007.

- Валицкая А. П., Султанов К. В. Детство и общество в контексте культуры. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2009.
- Гидденс Э. Устроение общества: очерк теории структуризации. 2-е изд. М.: Академический проект, 2005.
- Города, доброжелательные к детям // URL: <http://www.unicef.ru/programms/cities/>.
- Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. М.: КАНОН-пресс-Ц, 2000.
- Забаве И. Образ ребенка у жителей российских мегаполисов. По материалам биографических интервью с россиянами репродуктивного возраста // INTER. 2009. № 5. С. 40–55.
- Зиммель Г. Как возможно общество? / пер. с нем. А. Филиппова // Зиммель. Избранное. М.: Юристъ, 1996.
- Парк Р. Город как социальная лаборатория / пер. С. П. Баньковской // Социологическое обозрение. 2002. Т. 2. № 3. С. 3–12.
- Портнов Б. А. Городская среда – феномен престижности // Социологические исследования. 1991. № 1. С. 69–74.
- Сайт мам г. Комсомольска-на-Амуре // URL: <http://komsmama.ru/ff/index.php>.
- Страусс А., Корбин Дж. Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники / пер. с англ. и закл. ст. Т. С. Васильевой. М.: КомКнига, 2007.
- Счастливая семейка: Форум родителей г. Комсомольска-на-Амуре // URL: <http://happysemyka.ru/>.
- Трущенко О. Е. Престиж центра: Городская социальная сегрегация в Москве. М.: Socio-Logos, 1995.
- Филиппов А. Ф. Социология пространства. СПб.: Владимир Даль, 2008.
- Холлоуэй С., Валентайн Дж. Пространство и детство: новые направления социальных исследований // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11. Социология: РЖ/РАН. ИНИОН. 2002. № 3. С. 105–111.
- Qvortrup J. Childhood and modern society. A paradoxical relationship? // Childhood. Critical concepts in sociology / ed. by Chris Jenks. N. Y.: Routledge, 2005. Vol. 1. P. 110–118.

Александра Геннадьевна Филипова

канд. ист. наук, доцент кафедры социальной работы

Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета,

докторант кафедры истории и теории социологии

Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена

электронная почта: alexandra.filipova@mail.ru
